
СЛАВА КПСС
ГБ
В СССР - СЕКСА
НЕТ!
18+
Ярослав Питерский

Ярослав Питерский

В СССР СЕКСА НЕТ!

«Автор»
2026

Питерский Я.

В СССР СЕКСА НЕТ! / Я. Питерский — «Автор», 2026

Продолжение романа "ОТЧЕ ВАШ". Часть 2. События в этой части развиваются в 1982 году. Ноябрь. Участники самодеятельности техникумского ВИА студенты балуются на репетиции. И поют частушки про КПСС. За эти занятием из застаёт зам директор и парторг техникума Синицына. Она выделяет одного из участников ВИА Антона Бякина и ведет его к себе в кабинет. Там шантажируя его она домогается молодого человека... В наказание за его проступок Синицына отправляет весь состав ВИА на ноябрьскую демонстрацию. Где с ними происходи по истине политическое ЧП. Бякин оказывается в очень сложном положении. Им заинтересовался КГБ. Антон обращается за помощью... к Синицыной. В это время умирает генсек Л.И.Брежнев.

© Питерский Я., 2026
© Автор, 2026

Ярослав Питерский
В СССР СЕКСА НЕТ!

«ОТЧЕ ВАШ - 2»
Продолжение романа
Часть 2
«В СССР СЕКСА НЕТ!»
РСФСР
Красноярск.
1982 год.

Студент четвёртого курса красноярского Механико - технического техникума Антон Бякин с трудом открыл глаза. Звенела, словно набатный колокол – голова. Губы слипались, на зубах почти скрипел привкус страшного похмелья. Это чувство, заставляло организм крючиться, как больная собака и издавать страшные клокочущие звуки в желудке. Антон покосился на противно дребезжащий, словно заклинившая корабельная цепь, будильник и понял - вот оно наказание за вчерашний безудержный студенческий разгул!

Вот она расплата за лёгкость и воздушный невесомый полет души, приправленный портвейном «Агдам» на вчерашней вечеринке по поводу «ноябрьских праздников»!

«Какая странность! Наш народ зовёт праздник «седьмое ноября», День Великой Октябрьской Социалистической Революции – просто «ноябрьские праздники» - словно стесняясь сути самого повода этих праздников. Нелепо и как-то несуразно».

– У-м-м, – поморщился Антон. – Какая-то антисоветчина в голову с похмелья лезит! – сказал он сам себе вслух.

Будильник продолжал упираться и журчал, как ненормальный.

– Ну, ты железный вожатый! Хрена ль мне тут в голову металлический посыл забиваешь своими звуками! – проскрипел гортанью Антон.

Он вновь поморщился и попытался вспомнить вчерашний вечер. Ему вдруг стало стыдно. Стыдно так, что он почувствовал, как покраснели кончики его ушей.

Антон застонал и сжал голову, как сжимает арбуз покупатель на рынке – во время выбора этой самой большой зелёной ягоды.

А ведь так все вчера хорошо начиналось.

Так было всё легко и оптимистично.

Днём он пришёл в родной техникум после лекций. Сбегал домой перекусил (благо дом Антона находился в десяти минутах хода пешком) и вернулся в своё учебное заведение...

***

Такой любви к длинным коридорам и кабинетам своего альма-матер, Антон конечно же не испытывал, скорее наоборот, а вот влекло его в техникум одно – возможность заниматься любимым делом – играть на ударнике в каморке, возле актового зала, где была студия и секция вокально-инструментального ансамбля техникума. В общем - эдакая студенческая самодеятельность, которая совпадала с желаниями четверых одногруппников, играющих любимый и запрещённый рок. Музыку буржуев и недобитых врагов Советской власти, но такой завораживающей и манящей.

Рок – для Антона был смыслом жизни!

Он часами мог проводить в секции – долбя палочками по обшарпанному пластику барабанов, старенькой чешской установки «Amati» – являвшейся в то время, настоящей завистью для других самодеятельных рок групп. В СССР был страшный дефицит нормальных музыкальных инструментов (да, как впрочем, всего, что было возможно! Легче было сказать: на что в СССР дефицита не было!).

Купить не то, что «Amati», а задрипанный советский «Аккорд» свердловской фабрики барабанов было просто подвигом.

А гитары...

Господи прости!

На чем играли в самодеятельных ансамблях первой страны социализма?!! («Урал», «Музыка» были слабо обтёсанными деревяшками с кривыми грифами).

И тут у рокеров из механико - технического техникума тоже были козыри. Ещё одно чудо чешской лёгкой промышленности – синяя бас гитара «Basso IX», корпус которой, был выполнен в виде ромба, и две шестиструнные электрогитары «Cremona» были настоящим «золотым запасом» этой полу подпольной рок-группы. Одна гитара была ритм, вторая соло. Ну, а хорошие усилители и даже один дефицитный микрофон буржуйской фирмы «Shure» поднимал ВИА из КМТ на небывалую высоту.

Многие не понимали – откуда такая хорошая аппаратура у такого «задрипаного» ансамбля?!

И не мог понять, а все ведь было просто. КМТ или Красноярский Механико - технический техникум был не чем иным, а одним из структурных учебных подразделений могущественного СИБМАШа – предприятия которое выпускало заказы оборонной промышленности. А проще говоря – секретный завод штамповал межконтинентальные баллистические ракеты для советских подводных лодок. На таких ракетах и должны были лететь советские ядерные боеголовки в сторону стран породивших этот самый развратный и ужасный рок!

А у СИБМАШа чего - чего, а средств на социалку и образование хватало. И поэтому для ВИА из его же техникума СИБМАШ выделил довольно солидную сумму и приобрёл дорогую аппаратуру.

Пусть играют будущие строители ракетной техники!

Ведь им ковать «ядерный щит» Родины!

Поэтому играть они должны на хороших гитарах и барабанах – правда, «правильную» музыку!

Странно, но никакого конкурса или отбора в вокально-инструментальный ансамбль не было. Антон, когда пришёл учиться в техникум, думал, что тут будет настоящее сито и потребуется немало усилий, что бы стать участником ансамбля. Но все оказалось гораздо прозаичней. В группу пришёл человек, скорее всего это был комсорг техникум и спросил – есть ли желающие играть в ансамбле? И кто на чем умеет играть.

Вот и все. Вот и весь отбор.

К этому моменту старый состав ансамбля уже как говорится доживал последние дни. Парни все были четверокрустниками и вышли на преддипломную практику. Им конечно было не до музыки. Впереди была защита диплома, поэтому ходить на репетиции и вообще проводить время в коморке с инструментами было просто роскошью.

Антон, конечно, удивился – что практически «нет желающих» играть в ВИА, но потом понял почему. Все его однокурсники, кто более мене соображал в музыке, стремился не в вокально-инструментальный ансамбль, а в оркестр духовых инструментов. Причём в этом самый оркестр стремились и ребята из других групп. Парадокс – но парни готовы были дудеть на фугах, и колотить на почти похоронных барабанах - выдавая мелодии «На сопках Маньчжурии» или «Турецкого марша».

Сначала, это казалось нелепостью. Но через месяц, или два все становилось понятно. Дело в том, что этот самый оркестр духовых инструментов, возглавлял заместитель директора техникума по учебному процессу – Игорь Маркович Шатский. И не просто возглавляя, а курировал свой проект. Причём курировал очень ревностно. Все участники его оркестра получали зачёты и экзамены, как говорится на халяву. Он лично ходил по преподавателям с зачётками своих музыкантов и проставлял нужные и хорошие оценки. Вот поэтому и дудели во все щеки парни, которых в жизни нельзя было назвать любителями классической музыки…

Ну а с ансаблем, авернее с ВИА все было сложнее. Никаких поблажек техникумовским рокерам никто не обещал…

Ведь даже само право играть рок - было уже запредельным благом в 1982 году…

Это в 21 веке кажется странным, что учащиеся техникума так ревностно держались за свои места и старались не запускать учёбы. Это сейчас даже в институтах или университетах учится гораздо проще. Но тогда, тогда, в 1982 году, закончить техникум, было довольно престижно. А закончить такой техникум, как Красноярский механико - технический - вдвойне. Во-первых: профессии, по которым учились студенты, были престижные. Закрытый формат и оборонный акцент делая выпускников элитой среди специалистов среднетехнического образования. Выпускники попадали либо на СИБМАШ, либо в секретные предприятия закрытого города Красноярск 26. И даже на начальной стадии, зарплаты их были весьма солидны. Около 200 рублей получила выпускник техникума, на фоне среднестатистического в 120 рублей. А те, кто получал хороший разряд – и вообще зарабатывали до трёх сотен в месяц. Не говоря уже о том, что лет через пять, шесть можно было, зарекомендовав себя хорошим специалистом заколачивать по пятьсот, шестьсот рублей в месяц. И тогда… личная автомашина и квартирный кооператив – реальность, которую ты можешь получить до 30 лет своей жизни!

О таком, мог мечтать не каждый молодой человек в Советском Союзе в 1982 году.

Смешно, но учиться в педагогическом институте, было менее престижно, чем в секретном сибмашевском техникуме!

И это был парадокс «холодной войны» и «железного занавеса»!

Но, а состав у ВИА получился довольно солидный.

На соло - гитаре, в группе (а парни называли себя не иначе как: «Рок –группа», ведь ВИА звучало не презентабельно) играл высокий и патлатый Олег Брунов. Он был заводилой и неофициальным музыкальным руководителем группы. Олег имел не малый музыкальный опыт. Он успел поиграть в ансамбле в одном из ресторанов города. Делал это правда, он ещё до армии, в ряды которой попал после какого-то совсем «тёмного» случая с «уголовным привкусом». Пришёл в техникум учиться, уже после срочной. Олег был старше всех – ему стукнул 21 год. Кстати и в армии, Олег тоже попал в муз роту и играл там, на гитаре в армейском окружном ансамбле на гитаре. В общем, опыт у Брунова был не малый, но главное – у него был настоящий талант!

Он умудрялся сам писать музыку!

Получилась довольно не плохие песни. Вернее рок - композиции. Никто даже и не пытался оспорить лидерство Брунова. Более того все ребята из ВИА беспрекословно уважали и слушались Олега. Хотя...

Хотя формально над группой «шефствовал» молодой преподаватель с кафедры электротехники Сергей Петрович Салуянов, но выполнял он свои обязанности чисто формально, предоставив ребят самим себе.

Главное требование Салуянова было – отчётный концерт к 7-му ноября, выступление на студенческом празднование Нового года и концерт к выпускному, в конце мая. Конечно, для всех этих выступлений репертуар был разный.

На ноябрьские праздники играли в основном советские агит хиты типа: «Мой адрес не дом и не улица! Мой адрес Советский Союз!» или ... «И Ленин такой молодой и юный Октябрь впереди!».

На новогодние праздники репертуар бы «полегче». Разрешали даже песни полу запрещённых советских групп типа: «Машина времени» или «Воскресенье», петь пред подвыпившими студентами.

На «выпускном» играли сначала днём, в актовом зале для преподавателей и прочих начальников с СИБМАШа – всякую патриотическую хрень, а вечером для студентов даже пели и западные композиции.

Антон писал стихи, вернее тексты к песням, а его друг лидер группы и гитарист самоучка Олег Брунов писал музыку.

Кстати талант писать стихи Антон обнаружив в себе ещё лет в четырнадцать. Когда дома от нечего делать собирал из слов рифмованные тексты. Сначалаа он даже пытался подражать ни кому-нибудь, а Пушкину…

Смешно вспомнить, но Антон, перечитывая Александра Сергеевича, подражал ему даже в рисовании. Пытался на страничках рисовать зарисовки на полях в стиле «А-ля Пушкин».

Стишки, конечно, были детские и наивные. Но это стало хорошим опытом.

Однажды Антон попробовал написать текст к песни.

И вот теперь непроизвольно он стал поставщиком литературной части их рок -деятельности

А рок занимал практически все свободное время. Все члены ВИА не только увлекались музыкой, а жили ей. Старались внести, что-то новое, старались придумать что-то нестандартное…

В общем, музыкальное полулегальное творчество кипело и бурлило эмоциями и идеями, в стенах коморки возле актового зала, на задворках второго этажа техникума.

***

Вот и вчера репетиция началась, как всегда в четыре дня. Они отыграли песен пять, и успели выкурить по две сигареты, дымя украдкой в углу длинного тёмного коридора. Курить в техникуме разрешалось только на первом этаже в курилке. А за курение в коридоре полагался штраф – в виде мыться пола на одном из этажей.

Но дымить музыкантам было удобно, в это технический и узкий коридор возле актового зала редко кто заходил. А если и заходили, то слышно и видно чужака было издалека по силуэту, поэтому можно было и затушить бычок и спрятаться каморке студии.

Музыканты вернулись в свой мир рок музыке и, взявшись в очередной раз за инструменты, начали повторять песни, которые предназначались для завтрашнего официального торжественного концерта в честь 7-го ноября.

Проиграв: «Что тебе сниться крейсер Аврора...» – парни засмеялись и расслабились.

Олег Брунов подёргал по струнам своей гитары, издал металлические звуки и вдруг предложил:

– А давайте Аврору в рок стиле сбацаем!!!

– Давай... – поддержали его ребята.

И они вновь взялись за инструменты. Получилось довольно интересно. Эдакая рок композиция с патриотичными словами.

И вдруг... (ну надо же было ему тогда так сказать!), Антон предложил:

– А давайте гимн в роке сыграем...

– Гимн?!! – удивился Олег.

– Ну... – неуверенно подтвердил Антон.

Олег пожал плечами.

Остальные – Димка Прохоров (басист с короткой стрижкой под бобрик и рыжими едва пробившимися под губой усиками) и Серега Толстихин (ритм гитарист с чёрной кудрявой шевелюрой и огромными крепкими ручищами) как-то боязливо посмотрели на дверь.

Но Антон вошёл в раж:

– Ну не хотите Гимн... давайте интернационал!!!

– Ого! Прикольно! – заорал Олег и начал подбирать соляк на гитаре к мелодии гимна большевиков.

– А чё! – весело отозвался, басист Серёга.

– Я мелодии чё - то не знаю... – хмыкнул Димка – ритмач и начал вторить Олегу пытаясь подобрать аккорды на своей «Cremona».

– А ты лабай, как знаешь! – подбодрил товарища Олег.

И вот в каморке - студии зазвенело, загремело «последнее проклятие пролетариев».

Дикие звуки от гитар и громкий стук ударной установки сотрясали стены. Когда музыка вышла на апогею Олег заорал в микрофон:

– Это есть наш последний и решительный бой! С интерна-а-ационаа-а-алом! Воспрянет род людской!

Ему вторил Антон. Он тоже орал в свой микрофон что есть мочи!

– Никто не даст нам избавления! И не обком и не це-ка!

– Добьёмся мы освобожденья! От власти дряхлого дурака! Это есть наш последний и решительный бой! С интернационалам прогоним... их домой...

Антон пел всякую чушь! Ему казалось, что если он сейчас будет петь опасную «ерунду», которую иногда болтают пьяницы, в грязных заплёванных пивнушках, то он, хоть на немного станет продвинутым поэтом, ведь всякий настоящий поэт должен, хоть не на много по историческим правилам – «не любить власть» (по крайнее мере ему так казалось).

Знал бы он в эти секунды чем «все это» кончиться?!

Антон вновь набрал воздух в лёгкие и заревел, что есть мочи, не замечая, что остальные неожиданно прекратили играть, поэтому последнее две строки он пел, как говориться – соло. Или нет, точнее сказать – в звенящем одиночестве.

– Власти... дряхлого це-ка... прогоним их домой... – совсем тихо допел Антон, понимая, что сейчас просто упадёт с круглого сиденья на пол от страха.

Ужас!

Это был настоящий ужас в реале!

Нет, не кошмарный сон, нет и не состояние кошмарного сна - а именно ужас!

Самая настоящая действительность, которая превратилась в кошмар действительности!

На него стояла и смотрела высокая женщина, опёршись рукой на косяк дверного проема. Она смотрела внимательными холодными, даже можно сказать ледяными зелёными глазами и молчала.

На её лице была написана ненависть, боль, страх и возмущение. Как понял Антон – она была словно парализована от всего происходящего.

Женщиной или «антоновым ужасом в реале», была самая страшная и противная преподавательница в техникуме – Надежда Петровна Синицына.

Хотя на первый взгляд и на второй, да и вообще – на вид нельзя было сказать, что Синицына – мегера.

Напротив!

Она была довольно привлекательной для своего возраста женщиной. Ей было что-то под сорок. Высокая грудь, стройные ноги, красивая фигура которую скрывало длинное, однотонное тёмно-синее, но стильное платье, ниже колен. Аккуратно зачёсанные назад в шишку – длинные, как смоль чёрные, волосы. И красивое, но какое–то жёсткое лицо. Брови в разлёт,

греческий немного с горбинкой носик, на котором примостились маленькие очки в серебряной оправе. Нам коже минимум косметики (которая, кстати – ей и не сильно - то была нужна).

Надежда Петровна преподавала Историю. Но помимо всего, она являлась ещё и партийным секретарём техникумской парторганизации, председателем профкома и куратором комсомольской организации учебного заведения. Все эти партийные и общественные должности превратили приятную с первого взгляда и даже сексуальную женщину, в настоящую мегеру и «монстра» для студентов. Надежда слыла настоящим мучителем двоечников и недоучек, болванов дегенератов пытающихся «на халяву» – получить зачёт «по истории». Также Синицына была грозой всех прогульщиков и нарушителей дисциплины в техникуме. Она была инквизитором и надзирателем! Она контролировала, как казалось – всё в этом здании!

Поговаривали, что её побаивался даже директор...

За глаза студенты Синицыну прозвали: «курица».

И вот теперь эта «курица» стояла и возмущенно слушала крамольный антисоветский бред, который орал Антон.

В каморке повисла тягостная можно даже сказать – смертельная тишина. Было видно – как дрожит блестящая позолоченная железная тарелка возле ударной установки, не издавая при этом никакого звука.

Но, вот скрипнул линолеум под каблуком туфли Синицыной.

«Курица» всё равно молчала, и это молчание окончательно добило Антона.

Он понял, что теперь ему уже не придётся тут доучиться и получить диплом.

Что теперь он: «отчисленный недоучка – с волчьим билетом», а может ещё и хуже, что он теперь в чёрном списке...

Наконец «курица» набрала воздух в лёгкие, отчего зашевелились её груди. Поправив очки на носу, она тихо, но как-то обречённо для всех присутствующих просила:

– Вы, что тут творите?! Вы, что тут устроили?!

Ей никто не ответил.

Синицына покачала головой, и поочерёдно обведя всех участников ансамбля тяжёлым взглядом, остановила свой взор на Антоне. Тот не выдержал этого зловещего блеска этих зелёных очень

Возможно, так стесняется жертва своего палача, когда тот кладёт голову, обречённого на плаху.

– Так, вы... Бякин... если мне не изменяет память... Бякин... идёт со мной, остальные ждут!

Никто и не шелохнулся. Антон лишь краем взгляда увидел – как Олег, словно застывший монумент – держит за гриф свою гитару. Напряжение было такое, что Антону показалось, что вот-вот из-под кисти Олега на грифе хлынет кровь на струны от ужасного давления.

Все остальные тоже продолжали стоять в нелепых позах.

«Это – как памятник Битлз» – нелепо и неуместно постучалась мысль в голову Антону.

Он с трудом слез со своей спецтабуретки возле ударника и осторожно положив палочки на рабочий барабан, двинулся в сторону Синицыной.

Она стояла и ждала, когда Бякин подойдёт к ней.

Тот встал в нерешительности возле преподавательницы. Она дёрнула его за рукав свитера и кивнула в коридор:

– Иди к ленинской комнате. Я приду туда! – обернувшись, она прошипела остальным. – А вы... уберитесь тут пока! И пол подметите! И ждите... и никому! Никуда!!! – и после маленькой паузы прикрикнула. – Не уходи-и-ить!!! Вам ясно?!!!

– Угу... – отозвалась пессимистичным эхом, мычание горе–рокеров. – Угу!

Синицына самодовольно хмыкнула и пошла грациозной походкой по коридору вслед Бякину. Тот плёлся, как военнопленный, низко опустив голову.

«Ленинская комната» находилась на том же этаже, что и каморка ансамбля. Просто нужно было немного повилять по коридорам и пройти через вестибюль направо в основной корпус.

«Ленинская комната» – это был обычный кабинет, переделанный под эдакий «храм коммунизма». Конечно, «главным идолом» этого помещения был Ленин. Он стоял в виде огромного гипсового бюста размером метр на метр, на красной квадратной тумбе, а также висел на многих фотографиях и репродукциях картин на стенах. Наблюдал вождь за посетителями комнаты из-за стёкол витрин стоящих вдоль стены. Под этими витринами были выставлены также различные документы и сувениры с видом того же Ильича.

На стенах, кроме Ленина, висели всякие коммунистические лозунги, картины и портреты. В левом углу, примостился большой стенд с фотографиями брежневского политбюро. Кроме этого в комнате стояли парты и стулья, и была небольшая трибуна для выступления, оббитая красной тряпкой. Кстати все парты и столы тоже покрывали красные скатерти – это делало «Ленинскую комнату» какой-то уж очень пафасно страшной и торжественной.

Нет!

Даже не торжественной, а зловещей.

Массивные тёмно-пурпурные шторы на окнах и два тяжёлых плющевых знамени с наконечниками виде блестящих серебряных пик на древках – в углу и золотой вышивкой посредине.

Обычно в «Ленинской комнате» проходили заседания партийного бюро, комсомольского бюро, а так же различные почётные «ленинские уроки» и мероприятия. Комната была «вотчиной Синицыной», которая словно смотритель в музее старалась содержать её в идеальной чистоте.

Антон подошёл к двери и тяжело вздохнул. Он слышал за собой стук каблуков туфель курицы. Синицына тоже медленно шла к двери.

Она, молча, звякнула связкой ключей и открыла дверь. Антон взглянул на своего палача – та кивнула ему на полутемное помещение «Ленинской комнаты».

Антон сделал шаг. Сзади скрипнула дверь, и щёлкнул замок.

«Ну, вот и все. Смерть моя состоится тут – среди этой красноты! Хоть крови видно не будет!» – обречённо подумал Антон.

Синицына свет не зажигала, в помещение царил полумрак, который ещё больше усиливал страх.

– Так Бякин... садись... вон на тот стул посредине! – властно, но негромко приказала Синицына.

Антон прошамкал по полу подошвами и уселся на одинокий стоящий возле трибуны стул. Синицына деловито прошлась мимо него, затем подошла к окну и, отдёрнув штору, загадочно посмотрела на улицу. За окном было пасмурно и сыро.

Ноябрьская распутица убивала даже маленькую радость во взоре.

– Ну, так... что ты там пел?! – не поворачиваясь к Антону, спросила преподавательница.

Антон не ответил.

Он просто не знал, что сказать? Ему казалось – каждый выпушенный звук из его рта, будет направлен против него!!!

– Ты глухонемой? Нет... я ошибаюсь... ты пел очень громко... – сказала с сарказмом в голосе Синицына. – Итак, что ты там пел?!

– Ничего,... – хмыкнул носом Антон. – Так просто ерунду...

– Ах, ерунду?! А мне показалось – ты пел святую для всех прогрессивных людей песню – интернационал в извращённом антисоветском виде! В интерпретации какой-то безумной! Ты, где эти слова взял?! А?! Радио вражеское слушаешь?! Отвечай! – прикрикнула Синицына.

Антон покосился из-под лобья и увидел, что «курица» больше не смотрит в окно.

Она стоит, подперев бока кулачками, и сурово смотрит уже на него! Надежда Петровна, как-то по-гестаповски (так, по крайней мере, показалось Бякину, поскольку он вспомнил – как Штирлиц ходил по коридорам рейхсканцелярии в легендарном фильме) расставила ноги, что сделало её позу какой-то нелепой – с одной стороны устрашающей, а с другой какой-то сексуальной.

– Я ничего не слушаю... – выдавил из себя Антон.

– Не слушаешь? А откуда текст?

– Это... я так... нечаянно ошибся...

– Что значит нечаянно? Отвечай? Ты, что? Его сам придумал?

И тут Антон совершил вторую глупость за день:

– Да... – признался он.

– Что?!!! – взревела Синицына. – Так ты ещё и антисоветские стихи пишешь?! Ты что?!

– Я ничего не пишу... я на ходу...

Антон ждал очередного крика.

Но его не последовало.

Он вновь покосился на преподавательницу и увидел, что та смотрит на него уже не так и зло.

Гнев во взоре пропал.

Напротив – ее взгляд стал какой-то более человечный.

– Так ты, что... говоришь... на ходу слова меняешь...

– Ну, не всегда... просто что-то нашло...

– Интересно....

Синицына двинулась вглубь комнаты. Она медленно прошла мимо Антона, и он уловил запах её духов. Это бы явно дорогой, но не советский, а импортный парфюм! Скорее всего – польский. Возможно, это были модные и дефицитные духи «Не может быть».

Уж, точно не «Красная Москва»!

Синицына продефилировала в угол комнаты, где висел стенд с фотографиями членов политбюро. Она остановилась и, приподняв очки на носу, внимательно рассмотрела однообразные лица престарелых партийцев:

– Значит, ты Бякин считаешь, что Брежнев... старый?!

– Нет... просто...

– Не ври мне! Считаешь...

– Ну, а вы как сами считаете?! – набрался наглости Бякин.

– Я?! – вопрос немного напугал Синицыну. – Хм, я... я считаю, что возраст у нашего генерального секретаря... вступил в стадию мудрости... и не более того!

– Да вы что?! Он же ели говорит,... – буркнул Антон.

Синицына взглянула на студента, но вновь ничего не ответила. Она тяжело вздохнула и двинулась обратно к Антону. Подойдя близко, она взяла стул возле парты и поставила его рядом сор стулом Бякина. Медленно села поддёрнув юбку кверху. Антон непроизвольно покосился на её ноги. Они даже под тканью смотрелись очень соблазнительно.

– Ты Антон пойми... ты вот одним своим карканьем всё себе перечеркнёшь! Ну, что ты поешь? А? Что?! Тебе, что не хватает? Ты, что не имеешь? А? Тебе вон осталось сессия и на диплом выйдете! Четвёртый курс! А там все! И на завод пойдёшь. В армию сходишь, женишься. Жить будешь – как нормальный советский человек! А так... так вон ждёт тебя... что?! – настоятельно, но мягко говорила тихим голосом Синицына.

Она говорила это, не как мегера, она говорила это – как родственница. Антон был удивлён.

Он, немного осмелев, спросил:

– А, что меня ждёт?! В тюрьму теперь отправите?

Синицына поджала плечами и ответила:

– Ну почему в тюрьму... хотя... хотя конечно доложить о твоём поступке нужно в четвёртый отдел товарищу Барсукову!

Барсуков был начальником спецчасти и все знали, что он кгбшник который курирует техникум, ведь учебное заведение выпускало будущих ракетостроителей, поэтому и некоторые учебные документы были секретные и даже не выдавались на руки учащимся. Барсуков ко всему прочему, занимался и чисто контрразведкой, как он сам считал, а попросту – выявляя «болтунов» и «антисоветчиков».

– Барсуков конечно делу даст ход... и тебя отчислят... и там...

– Простите... я не хочу... – всхлипнул Антон.

– Не хочешь?! – более сурово ответила Синицына. – За все в этой жизни нужно отвечать... за все... но есть один способ при нем мы можем на время все забыть! Ты хочешь, что б я всё это забыла на время?

Антон закачал головой:

– Конечно, конечно хочу... а, что надо сделать?

Синицына грустно улыбнулась:

– Ну, во-первых: перестань писать всякую ерунду! Это до добра тебя не доведёт! Ты вон, в какой ситуации оказался! Понял?!

– Понял...

– А во-вторых: нужно браться за ум... нужно понять, что в жизни тебе предстоит совсем иное, а не эти твои погремушку на барабане!

– Ну, это...

– Это точно! – грубо отрезала Синицына.

Антон прикусил губу.

– А для того, что бы я все забыла... для начала расскажи - ка мне – кто у вас на барахолке из группы джинсы продаёт? Кто какую музыку слушает? И вообще! Кто такие же вон похабные анекдоты про нашего генерального секретаря рассказывает? Это для начала...

Антон стал красным. Он часто задышал. Кровь прилила к глазам.

– Ну, что сопишь? Что молчишь? Не нравятся тебе мои условия?

– Я стукачем не был... и не буду! И вообще можете меня отчислять и в тюрьму! А анекдоты про Брежнева так их каждый вечером на кухне рассказывает... вы, что не знаете? Вы, как живёте? – дерзко выпалил он преподавательнице.

– Ой, какой герой! Надо же! Стукачем он не хочет быть! Да ты хоть знаешь, кто придумал эти слова? Это враги народа придумали! И потом, рассказывать о том, что люди совершают противоправные дела – это обязанность каждого человека!

– Ага... стучать все равно не буду! – вновь огрызнулся Бякин.

– Ну, стучать... надо ж какой дерзкий. Ты вот пойми эти люди ... они, которые, вон всякую западную ерунду боготворят – они потенциальные враги народа!

– Да, какие они враги? Они просто хотят ходить в нормальных штанах, в джинсах... в нормальных кроссовках, пить нормальное пиво, жевать жвачку, есть колбасу финскую... вот и всё! Какие они враги?!

– Ты, что такое говоришь?! – возмутилась «курица». – Ты, ведь говоришь чистую антисоветчину!

– Да ... вы глаза откройте... вы уже всё под антисоветчину подводите!

– Ух, какой ты дерзкий... Бякин.

– Какой есть... – хмыкнул Антон.

Синицына посмотрела на парня внимательно и, вздохнув, погладила его по коленке. От ее прикосновения у Бякина спёрло дыхание.

– Значит... не хочешь ты мне помогать... не хочешь... ладно... тогда на отчисление...

– Ваше право...

– Моё! – гордо ответила Синицына. – А ты хочешь быть отчисленным?! А? Признавайся?!! – вновь зло спросила «курица».

Антон хмыкнул носом и, помолчав, буркнул:

– Конечно, нет...

– Ну, тогда наш разговор должен остаться в секрете...

– Это я могу... это ж не стучать...

– И не только разговор... – загадочно сказала Синицына.

– А что ещё...

– Ну, всё что произойдёт тут в кабинете.

– А, что тут произойдёт?!

Синицына не ответила. Она медленно встала и, подойдя к двери, закрыла её на замок. Ключ щёлкнул как-то зловеще...

Затем, она включила свет и, подойдя к столу, что стоял в углу – достала оттуда листок чистой бумаги и шариковую ручку. Бросив их на красную скатерть, она в приказном тоне бросила:

– Садись и всё пиши!

Антон дёрнулся и хотел было вспылить, но Синицына зло, ухмыляясь, добавила:

– Не будешь писать про свою песню... я докладываю Барсукову. Бричем скажу, что пели все! И тогда не только ты пойдёшь под монастырь, а и твои дружки рокеры. Так, что выбирай....

Антон склонил голову и закрыл глаза. Он тяжело дышал.

– Иди, пиши... это самый безболезненный выход в этой ситуации.

Бякин встал и, подняв стул, подошёл к столу. Листок бумаги выглядел, как пистолет самоубийцы. Антон медленно и неохотно принялся писать. Он писал долго, пытался придумывать уловки в своё оправдание, но у него это не получалось. Всего его сочинение разместилось на целой странице. Когда он закончил свой приговор, Синицына довольно сказала:

– А теперь поставь свою подпись и число!

Антон сделал, как она просит и зло швырнул ручку на скатерть. Синицына внимательно прочитала антоновское изложение действительности, пожав плечами, спросила:

– Так, как я поняла – тебе есть восемнадцать лет?

– Да в августе исполнилось.

– Значит совершеннолетний! Ну, вот и хорошо, – Синицына взяла листок и продефилировала с ним в другой угол.

Антон зло смотрел на её стройную фигуру.

Надежда Петровна открыла сейф в углу и, положив туда бумагу, довольная вернулась обратно.

Бякин молчал и, потупив взгляд, сидел на стуле. Синицына зачем-то выключила свет.

Стало совсем темно.

За окном уже смеркалось – ноябрьские вечера наступали быстро.

– А теперь, что? Я могу идти? И, что с бумагой будет? – помолчав, спросил Антон.

Ему было как-то не по себе в тишине и темноте.

– А с бумагой... с бумагой будет все хорошо... я её порву, как только ты диплом получишь... вот и все... уйдёшь из техникума... и считай, не было ничего...

– А до этого? Что будет? Шантажировать будете? – зло спросил Антон.

– Ну, зачем ты так... шантажировать... я ведь от тебя ничего не прошу... стучать ты отказался, я приняла это...

– Так, зачем бумага тогда? На крючке меня держать ведь...

– Нет... не на крючке... ну и это тоже...

– А ещё что?

– Сейчас узнаешь...

Антон вдруг к своему удивлению увидел – как Синицына подошла к нему совсем близко. Она опустила ему руки на плечи, Он не видел её взгляд в полумраке, но чувствовал её тяжёлое дыхание.

Антон зажмурился.

Е руки они опускались все ниже и ниже. Наконец она задрала ему свитер и заставила его снять... расстегнула рубаху...

– Ну, что ты так и будешь сидеть? – ласково промурлыкала она.

– А... а... – хватал ртом воздух Антон. – Что мне делать?

– Встань... – томно прошептала она.

Он повиновался и в тоже время попытался сопротивляться, но слабо и вяло:

– Что вы делаете?!

Он почувствовал, как она расстегнула ему сначала ремень, затем брюки.

Антон вновь зажмурился.

Представить такое?!

Он и Синицына!

Нет!!!

Кто бы сказал...

Кто бы сказал?!

«А ведь я слышал, как какой-то парень с третьего курса рассказывал, что, мол, Синицына молодых мальчиков любит, и что у неё, мол, есть свои фавориты... но я дурак тогда подумал, что он просто пустые сплетни разносит! А оно вот оно что?!» – с досадой и в тоже время какой-то эйфорией горячего любовника подумал он.

А потом, потом она встала и быстро, очень быстро сняла платье. Причём Антон с удивлением заметил, что она не кинула его на пол в страстном порыве, а аккуратно положила на свободный стул.

А потом... потом она повалила его на парту, накрытую красной скатертью и тогда...

Такого секса у него в жизни ещё не было!

Да и не могло быть!

Откуда у восемнадцатилетнего парнишки должен быть бурный секс - опыт?!

Из похождения в студенческую общагу к девчонкам?!

Ну, да! Было пару тройку раз! Но не более того!

Из любовных утех с его постоянной подругой и соседкой по дому – Зоей?

Так ей всего семнадцать! И она ещё в сексе не очень - то понимает. Да, что там понимает?! Не знает она ничего кроме одной «рабоче-крестьянской позы» и той – без света в глухой темноте! Стесняется и даже боится дышать во время ласк!

А тут!.. А тут?!

Синицына была, как секс - монстр! Она стонала, нет, не стонала – а рычала, как тигрица!

Она владела им!

Как настоящий эротический вампир и трюкач!

Да... да! Именно владела телом Антона – как хотела!

А он, он наслаждался этой властолюбивой сорокалетней женщиной!

Бричем её тело было вовсе не старым. Напротив – он чувствовал её упругие груди и бедра, её плоский, почти накаченный живот. Он удивлялся, что эта женщина такая... такая без одежды!

Их ласки длились долго! Нескончаемо долго – как казалось Антону.

Но все же, у всего есть финал. Когда все прекратилось, они лежали рядом голые и уставшие на красной скатерти и тяжело дышали.

Антон покосился в бок.

На них сурово в полумраке смотрел гипсовый Ленин.

Антону показалось, что Ильич даже насупил брови!

Синицына увидев – куда смотрит её новый молодой любовник, ухмыльнулась и тихо сказала:

– Вообще-то я его отворачиваю... не надо ему на это смотреть...

Антон качнул головой и ответил:

– А он... так же с Крупской?

Она фыркнула и дёрнулась. Резко встала и быстро, как-то ловко и натренировано надела платье. Словно солдат по команде: «подъём!».

Он с удивлением смотрел на неё в темноте. Ему даже показалось, что она стала другим человеком.

Каким-то более близким или даже родным! Но это было лишь мгновение. Через мгновение она прошипела:

– Никогда не смей так говорить на вождя! Никогда! И надень свои трусы!

Антон уныло спрыгнул с парты и трясущимися руками надел трусы и брюки. Затем натянул рубаху и свитер.

Она ждала возле двери. Когда рассмотрела, что он в «нормальном» виде – включила освещение.

Её взгляд вновь изменился.

Это вновь была мегера, «курица»!

Синицына ухмыльнулась и ледяным голосом сказала:

– В общем, так, Бякин. Надеюсь, ты понял всё, что я тебе сказала! И моя нотация не будет как об стену горохом! Ты все теперь знаешь и будешь вести себя правильно!

Антон покачал головой и, опустив глаза, выдавил из себя:

– Да... уж точно понял.

– Я что-то не расслышала твоего твёрдого ответа? В твоих словах звучат нотки сарказма или мен показалось?

– Показалось... – буркнул Антон.

– Громче!

– Я все понял!

Но Синицына, прежде чем, впустив его в коридор – выглянула и, убедившись, что он пуст, кивнула на дверь. Бякин шмыгнул мимо нее сквозняком. Но сделав пару шагов по коридору, остановился от окрика:

– Так! Стоять! Я главное ещё вам не сказала! – громко скомандовала Надежда Петровна.

Антон тяжело вздохнул. Ему так хотелось, что бы в это мгновение, хоть кто ни будь, появился в этом коридоре!

Но было уже поздно и занятия закончились. Поэтому коридор наполняло только эхо голоса «курицы»:

– Пошли к твоим дружкам! Я сейчас всех обрадую!

Они вновь шли по коридорам техникума. Шли молча. Он впереди, она сзади. Он затылком чувствовал, как она рассматривает его фигуру.

«Может она на мою жо... у пялится? Вот сука!» – Антону стало стыдно, и он покраснел.

Когда они подошли к каморке - студии, там была тишина. Из-за полуоткрытой двери пробивалась полоска света. Обычно на таком расстоянии стоял гул от электрогитар и барабанов.

А тут! Тихо как в могиле!

«Ой, не к добру! Лучше бы парни домой свалили!» – боязливо подумал Бякин.

Он потянул дверь и...

Они все сидели на месте.

По углам на стульях и смотрели на него испуганными глазами.

В эти секунды они были похожи на тех обезьян из старого мультфильма про Маугли. Про тех патлатых и страшных обезьян, которые были загипнотизированы питоном Каа.

«Как их там звали... Банденуги... Бандерлоги? Бл..дь вы Бандерлоги хреновы, что остались! А теперь вот сами получайте! Нужно было валить отсюда! Валить бежать... но теперь» – попытался выразить своим взглядом своим друзьям Антон.

Но они, скорее всего, его не поняли!

Они со страхом смотрели на зашедшую сзади Синицыну и ждали.

Она, поправила очки на носу и, покрутив связкой ключей в руке, громко заявила:

– Так музыкальные хулиганы! Только благодаря Антону я вас не будут наказывать строго! Но, совсем без взыскания вы не останетесь! Слушайте внимательно! Завтра в семь утра вы все должны быть тут! Пойдёте на демонстрацию! И не просто пойдёте! А покатите телегу от нашего техникума.

Повисла тишина. И лишь после паузы взорвался Олег:

– Надежда Петровна! Как так? Да мы не можем! У нас концерт после обеда, а вечером еще один! А нам утром надо кровь из носа репетицию провести! А ещё лучше вообще вон всю ночь репетировать! А демонстрация эта она аж, до часов двенадцати, а то и до двух! Как же так?!

– Молчать! – рявкнула Синицына. – Я вижу, вы не совсем понимаете серьёзность ситуации?! Мне глубоко всё равно, какой там концерт, но завтра вы должны катить телегу с нашим плакатом и лозунгом! И, что бы все были, как штык! И ещё когда закончите свою сегодняшнюю репетицию – ключ что бы, не уносили, а оставили на вахте! Я проверю! А про серьёзность и шаткость вашего положения вам расскажет ваш товарищ... надеюсь, пока я не могу назвать его словом подельник, Антон Бякин. Надеюсь, он найдёт нужные слова! И правильные! – слово «правильные» она особо интонационно выделила. – Надеюсь, ничего не правильно он вам говорить не будет! Он уже заверил меня, что все уяснил! Я ему верю! Так ведь Антон?! – зло закончила свою речь Синицына.

Она как то нарочито низко склонила голову пытаясь взглянуть Бякину в глаза.

Но тот отвернулся и грустно выдохнул:

– Да... я все поясню... ребятам.

– Ну, вот и хорошо! Продолжайте репетировать! И не делайте больше ошибок уважаемые четверокурсники! До свидания!

Синицына повернулась и собиралась сделать шаг в коридор, но замерла. Ее провожала тишина. Надежда Петровна резко обернулась и, нахмурившись, тихо спросила:

– Я что-то не расслышала прощания с преподавателем?

И тут же в студии раздался сдавленный хор:

– До свидания... Надежда Петровна...

– Вот так-то лучше! Завтра в семь тут, как штыки что бы были! Не ищите на свою голову приключений вы и так их уже нашли! – подвела итог «курица» и гордо двинулась по коридору.

Ещё с полминуты был слышен стук ее каблучков, который звучал набатным колоколом.

Они молчали. Антон устало съехал по стене и примостился на стол, что стоял в углу.

Остальные ждали.

Они даже не хотели его ни о чем спрашивать. Антон грустно подошёл к столу, что стоял в углу и пошавришись в карманах втащил зелёную смятую трёшку. Эти три рубля он припас для завтрашнего дня, но внутренний голос ему подсказывал, что эту трёшку нужно использовать именно сегодня.

Его товарищи увидев деньги на толе тоже молча по очереди подходили и бросали, что было у них в карманах. Звякнула мелочь, полетели рубли. А Олег выложил синюю почти новенькую пятёрку.

– Ну, я думаю, коль Антон все это замутил, так ему и в магаз бежать,… - грустно бросил он.

Антон пожал плечами и тяжело вздохнув, ответил:

– Да я - то схожу. Только вот мне сердце подсказывает, не стоит нам судьбу искушать. Предлагаю идти отсюда и выпить, где-нибудь за стенами техана.

– Боишься? – Олег сощурил глаза.

– Нет, но курица сто процентов придёт и проверит. Это точно. Нам ещё залёт нужен? – парировал Антон.

– Это точно пойдём…

– Антон прав, валить отсюда, надо валить…

Поддержали Антона ребята.

***

Антон с детства не любил 7 ноября. Даже не как праздник, а как день. И винорвата в этом была его мама. Это она привила стойкий антагонизм и ненависть к самому революционному празднику в стране. Нет, Антон конечно в детстве не разбирался: ни в политике, ни в истории, но то, что 7 ноября «очень плохой и нудный день» - знал точно.

Его мама Анна Петровна помимо того, что работала инженером - экономистом в одном из небольших снабженческих предприятий города, была ещё и партийным секретарём этой конторы. Партийный секретарь в 1982 году - это в принципе начальник! И все же.. в то время партийный секретарь - партийному секретарю, был рознь. Во-первых: на эту должность избирали среди членов местной заводской, конторской, фабрично и пр. парторганизации и утверждали коллеги. Но, существовала разница между партийным секретарём крупного завода и маленькой конторки. На большом комбинате или фабрике партийный секретарь был фигура, освобождённая от других профессиональных обязанностей! Он только и делал, что занимался именно партийной организацией, устраивал различные собрания, выпускал малотиражку, участвовал в совещаниях руководства. Работяги и другие члены коллектива за глаза называли таких секретарей «бездельники и пустобрёхи». Хотя конечно «в открытую» сказать, такое никто не решался. Себе дороже! Связываться с властью. Да не просто с властью, а с партийной номенклатурой – подписать себе волчий билет. Самое безобидное – с работы попрут, а ведь могут еще и за антисоветчину привлечь. Если не в тюрягу, так в психушку загонят. Кому это надо?!!! …

Вот и посапывала себе в трубочку говорливая общественность, а если и что высказывала – то на кухне и под бутылку водки.

Да и честно признаться – таких правдорубов не много было. В большинстве своём рядовой «советский человек» давно смерился, что партийный секретарь, получая зарплату, причём неплохую (как правило, выше средней по заводу) – был вроде, как «нужным человеком» для коллектива. В общем, был эдакой заводской или комбинатской «совестью» - человеком, занимающимся именно общественной деятельностью и морально-нравственным контролем окружающих его коллег. Выражение сейчас конечно смешное,… но тогда – как много судеб сломали именно партийные секретари, увольнявшие и каравшие людей за всякие человеческие слабости – никому не известно.

Ну, например – ты партийный (член КПСС), вроде взносы вовремя сдаёшь, на собрания ходишь, план выполняешь, на «доске почёта висишь», а пошёл куда ни будь загулял, любовницу завёл – моли Бога, что бы твоя жена в парторганизацию не обратилась. В лучшем случае выговор, а в худшем партбилет на стол, и волчий билет. И все твоя карьера сломана, жизнь практически спущена в канализацию. Подняться именно после такого вот «партийного суди-

лища» удавалось очень не многим. И правил бал в таких разборках именно партийный секретарь!

Но, не только плохое конечвно делал партсекретарь. Иногда он и в правду помогал разобраться в трудной жизненной ситуации. Иногда «пробивал», что-нибудь для своих членов: жилье, детский сад, ясли и т.д.

Да и на «малых» предприятиях, партийного секретаря назвать «дармоедом и пустобрёхом» никто не решался. Ведь на небольших предприятиях партийный секретарь не был лицом освобождённым от своих профессиональных обязанностей. Он нёс эту общественную партийную нагрузку как бы - вдобавок. По сути отнимая сам у себя личное время, что бы решить практически те же самые задачи, что и решал освобождённый от работы партийный секретарь на больших предприятиях.

И в этом была несправедливость. И в этом была какое-то скрытое неравноправие.

Кстати, для уточнения – «малое» от «большого» предприятия по партийным меркам отличалось очень просто. Работает в конторе больше пятисот человек – «большое предприятие», меньше пятисот - «малое».

Анна Петровна Бякина была именно партийным секретарём на общественных, как говорится началах. В её конторке трудилось всего лишь полторы сотни работников и поэтому должность партсекретаря с освобождением ей не полагалась. Но Анна Петровна честно и скурпулезно несла ношу взвешенную на её шею коллегами по парторганизации. Она была честным человеком и не могла, как она сама говорила: «подвести людей».

А эта общественная нагрузка отнимала порой у неё много времени. Собирать взносы, устроить заседание парткома, проследить за наглядной агитацией. Все это входило в её добровольные обязанности.

Частенько вечером мама жаловалась Антну – не прооизвольно конечно, что партзабота онимаеть у нее много сил и энергии. И иногда Анна Петровна дополняла рассказы своей партдеятельсности очень нелицеприятными и смешными историями. Казусными ситуациями, которые слышать из уст партсекретаря в 1982 было нелепо и противоестественно.

Но Аннна Петровна была человеком открытым и искренним и иногда не могла отличить того, что было можно говорить, а что нельзя.

Например Антон очень хорошо запомнил её рассказ: про «портреты членов политбюро ЦК КПСС». Эти самые огромные портреты два раза в год вывешивалась на фасадах домов, и крепились за балконы обычных обитателей. Анна Петровна была ответственна за развешивание гигантских изображений партийных вождей на своём участке.

В 1982 году каждый партсекретарь предприятия имел свой закрепленный участок, на котором развешивалась партийная агитация.

У Анны Петровны таким участком было несколько жилых домов на центральном проспекте имени газеты Красноярский Рабочий, на которые по рекомендации райкома партии и вешались портреты членов политбюро.

Вроде, что тут такого - повешать портрет, прикрепив его за балкон?!

Но, тут была трудность – лики партийных боссов были столь огромными, что приходилось низ их крепить на третьем этаже хрущёвок, а верх - аж на пятом!

Соответственно жители четвёртого этажа оставались практически без солнечного света. Да, что там солнечного света?! Они оставась практически без вида на улицу! Всё их центральное окно в зале - закрывал холст с физиономией одного из членов ЦК. Естественно, что никакой радости от такого занавеса жильцы не испытывали. Протестовать, конечно, они не могли (кто ж в те годы мог сказать, что-то против членов политбюро ЦК КПСС на своём балконе?) себе как говорится дороже, но вот «делать мелкие пакости» им не кто не запрещал. И частенько эти мелкие пакости, могли сойти за настоящую антисоветчину. Ну, например многие, что бы хоть как-то увеличить доступ солнечных лучей в комнату «вырезали» у членов политбюро

глаза и рот. Дырки были не большими, но если присмотреться - это выглядело очень зловеще. Например, какой-нибудь Щербицкий или Демичев висел с пустыми глазницами! Более того! В эти самые глазницы валил дым! Некоторые жильцы, выйдя покурить на балкон, пускали «кольца в партийные очи».

И за все это, мог по всей строгости партийной дисциплины, да и по закону, «ответить» именно партийный секретарь, который следил не только за развешивание этих самых портретов, но за их сохранность. Анна Петровна частенько признавалась, что в райкоме её просто жалеют и закрывают глаза: «на безответственность жильцов домов», где глумятся над портретами властителей СССР. Но долго так продолжаться не может!

И все же!!! Все продолжалось и продолжалось от праздника к празднику…

Или ещё был случай, когда портрет Брежнева был уже закреплён и вынесен на всеобщее обозрение в канун 7 ноября, но вдруг первому лицу в государстве присвоили «очередное звание «героя соцтруда».

Что делать?!!!

Немедленно снимать и «дорисовывать пятую звезду» на костюме «дорого» Леонида Ильича!

Хм, легко сказать дорисовывать!

Плакат, конечно, сняли, но вот со звездами… была проблема! Ведь «четыре звезды» были приколоты на груди у генсека вряд, а по существующим требованиям и канонам - если присваивается «пятая», то звезды нужно размещать в порядке – три вверху и две под ними!

Но, ведь это практически переделывать весь плакат! А времени нет! На носу праздник и изображение Брежнева должно висеть на самом видном месте в полном соответствии с новыми обстоятельствами – «пятирыжды героя страны»!

На свой страх и риск, Анна Петровна приняла решение: «дорисовать пятую звезду» рядом с четвёртой в один ряд!

И опять пронесло…

Брежнев так и провисел с «грядкой звёзд героя в один ряд» в количестве пяти штук!

Но 7 ноября Антон не любил вовсе не за хлопоты и переживание мамы.

Он не любил его просто, как день календаря или года. Ведь с детства, мама регулярно брала сына на демонстрацию! Это сейчас звучит гордо: «брала на демонстрацию».

А тогда маленький мальчик просто страдал от этих партийных похождений на главное сборище в государстве. День 7 ноября был красным в календаре и естественно выходным. Детсады не работали, Анна Петровна просто вынуждена была тащить сына с собой. Приходилось подниматься почти в пять утра и пешком, в осиновом со слезами, тащиться с мамой: сначала на её работу, а потом и по всем городу.

Что такое был этот день 7 ноября?!

Как говорили в народе: «добровольно принудительный поход» к центральной трибуне». Тысячи, десятки тысяч, да, что там десятки – сотни тысяч людей в городе, в это утро формировались в колонны и двигались в центр, не смотря ни на какую непогоду!

Что бы в толчее и давке пронести мимо «главной трибуны» края и города (на которой стояли партийные и хозяйственные руководители всех мастей и рангов) флаг, плакат или ещё какую-нибудь агитационную фигуру или украшение в основном из красных тряпок.

Отказ от участия – был чреват для любого работника. Для любого гражданина СССР. Могли лишить премии, тринадцатой зарплаты или вообще вкатить выговор. Хотя формально участие в демонстрации, как уже и говорилось - было «добровольным»…

Простые люди старались не связываться: ни с партийным, ни с простым начальством своих предприятий и, скрипя зубами, приходили, что бы, как говорили властители - «выразить свой гражданский и патриотический долг».

Лучше всех к этой принудительной парт забаве приспосабливались конечно мужики. Они с вечера закупались спиртным и проводили время на холодной и частенько мерзкой от снега и стужи ноябрьской улице весело.

Официально демонстрация обычно начиналась в 10:00 утра. Но к этому времени все колонны должны были быть сформированы и выстроены. Поэтому движение начиналось обычно в семь - в восемь утра. Через весь город люди шли огромными гигантскими потоками к центру, пешком. Движение для автомобилей и автобусов естественно перекрыто. Огромные массы людей с транспарантами и флагами медленно, словно какие-то зловещие армии, двигались к центральной улице.

Антон с мамой жил на правом берегу Красноярска. Да и предприятие мамы тоже находилось на это берегу Енисея. Поэтому идти приходилось через коммунальный мост – а это ни много, н и мало километров десять. Но, маленький мальчик, как говорится «с мужеством переносил все тяготы и лишения» демострантской судьбы.

Анон не плакал, нет, но где-то в глубине души острое чувство внутренней неприязни к празднику 7 ноября развивалось в нем от демонстрации к демонстрации.

Когда Антон подрос, он стал сам себе задавать совсем не детские вопросы. Частенько пугая ими свою маму:

– Мам, а почему праздник добровольный, а идём с тобой, как на каторгу?

– Антоша, ты, что такое говоришь?!

– Ну, ты же сама ворчала вечером, что завтра опять каторга?!

– Это я так… сгоряча! Не вздумай это никому говорить! Это плохие слова! И вообще это святой для нас праздник!!!…

– Да святой, а дядя Коля прошлый раз сказал, что в гробу видал он все эти походы! И больше не потащит этот чертов плакат с партмордой, которую он знать не знает!

– Дядя Коля пьяница! Он, говорит всякую ерунду! Не слушай его!

– Ладно,… а тётя Оля тоже говорила, что все эти похождения на демонстрации лишь приведут к массовым больничным листам, все на работу ходить перестанут, потому как заболеют!

– Тетя Оля тоже ерунду говорит! Если тепло одеться - никакой больничный не нужен будет! Антон перестань! Неужели тебе не интересно нести шары?! Флажки?!

– Интересно, но просто холодно… и утром спать охота!

– Сынок, ты уже взрослый… перестань конючить…

Эти воспоминания из детства навсегда запали в душу Антона. Вот поэтому он, немного напрягался в преддверии 7 ноября. И хот я в последнее время его заставляла ходить на демонстрацию не мама, а руководство техникума, он все равно где-то в душе злился именно на маму. Ему казалось, что именно она и советовала учителям и преподжавателям привлекать его на хождение с плакатами суровым ноябрьским утром,… но это были лишь детские комплексы…

Кстати последние два года Антон на демонстрацию не ходил. И эта дата непроизвольно стала праздником. Например, в прошлом году, он с одногрупниками и девчонками уехал на дачу к своему другу и прекрасно провёл там время за жаркой шашлыков, выпиванием вина и пением любимых песен из: «Машины времени» и «Воскресения».

***

Но 7 ноября 1982 для Антона вновь стало унылым и хмурым. Погода издеваясь, подвывала - ранней для ноября позёмкой и мелким противным снегом. Лужи, словно чёрные дыры, покрылись блестящей плёнкой, остатки грязно - жёлтых скорчившихся от холода листьев, ноябрьский ветерок тащил по земле, как приговорённых к казни тащит на эшафот палач.

Антон вышел из подъезда и съёжившись, пытаясь втянуть шею в тёплый воротник, подошёл к углу своего дома. Над ним болтался, словно отчего-то испуганный красный флаг. Кто-то уже успел воткнуть его в специальное крепление на стене. Антон недолго всматривался в кумачовее полотнище, которое трепыхалось на ветру, как сердечко воробья.

– Ну, что дружище и тебе не сладко в этот мерзкий денек… - пробурчал Антон флагу.

Тот, как - будто ответив, захлопал краями тряпки, словно птица крыльями.

Голова немного прошла, но вот пить здорово хотелось. Во рту было сухо. Антон тяжело вздохнул, спрятав руки в кармане куртки, поплёлся в сторону техникума. Эта бала любимая его куртка. Настоящая финская дефицитная! Мама купила её по блату, отдав за чудо лёгкой промышленности Скандинавии почти всю месячную зарплату. Но, куртка того стоила. Тёплая с настоящей меховой подкладкой, она была очень удобная и главное классно смотрелась. Многие его одногруппники искренне завидовали этой импортной одежде и цокали языками. А девчонки, увидев парня в такой куртке, невольно пытались улыбнуться.

«Вот, что за белстящая ерунда?! Человек без одежды вроде, как ничего не представляет! А стоит напялить буржуйскую тряпку и ты вроде, как король жизни!» - частенько приходила Антону в голову мысль. – « Надо же, хозяин жизни не тот, кто умней и талантливей, а тот, кто сумел прикупить шмуток по дефицитней» - не по юношески взросло рассуждал Антон.

Конечно, Антону хотелось одеваться модно и практично. Конечно, он даже ещё не задумывался, что мама отдавала последние деньги, что бы купить ему модные кроссовки или джинсы. Он, даже еще не мог понять, как даются эти самые кровно заработанные. Хотя сам уже получил свою первую зарплату, когда проходил производственную практику на КРАСМАШе. Правда, эту небольшую студенческую получку, он в тот же вечер пропил с друзьями в ресторане. Причём пропил бездарно, под конец торжества с обмыванием первого трудового заработка, попав в милицию, за драку в вестибюле советского питейного заведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.